

Российские экономисты начала XX века об особенностях финансирования «военной экономики» в 1914–1917 годах

И. А. Назарова,

кандидат экономических наук,

доцент Московского государственного университета

тонких химических технологий (МИТХТ) им. М. В. Ломоносова, Москва;

e-mail: mitht.ira@yandex.ru

В статье исследуются особенности «военной экономики» России в 1914–1917 гг., формы финансирования бюджетного дефицита. Выясняется роль институциональных факторов в возникновении таких явлений, как «безденежье», «золотая инфляция», «революция цен», в период отмены золотого стандарта и перехода к новым принципам денежного обращения. Показан вклад российских экономистов в исследование промышленной конъюнктуры и феномена бумажных денег.

The article examines the features of the «war economy» of Russia in 1914–1917, forms of financing of the budget deficit. It turns out the role of institutional factors in the occurrence of such phenomena as «lack of money», «gold inflation», «price revolution» in the period of the abolition of the gold standard and the transition to new principles of monetary circulation. The contribution of Russian economists in the study of the phenomenon of paper money is shown.

Ключевые слова: дефицит бюджета; «военная экономика»; бумажные деньги; «безденежье»; «золотая инфляция»; золотой стандарт; конъюнктура.

Key words: budget deficit; «war economy»; paper money; «lack of money»; «gold inflation»; gold standard; market environment.

Оценка размеров государственного долга и военных расходов России в 1914–1917 годах

Одной из весьма сложных задач экономического анализа в настоящее время представляется оценка результатов Первой мировой войны, сопоставление масштабов разрушений и шагов по восстановлению народного хозяйства в странах, на территории которых велись военные действия. Трудно оценить соотношение потерь и вклад отдельных стран, участвовавших в войне, в ее итоги. Известный британский историк и военный теоретик Лиддел Гарт Басил в книге «Правда о Первой мировой войне» писал: «Бессмысленно спрашивать, какая страна выиграла войну. Франция не выиграла войны, но если бы она не держалась, пока Британия готовила свои силы... победа союзников вообще была бы невозможной. Британия не выиграла войны, но без господства ее флота на море, ее финансовой поддержки и ее армии... поражение Антанты было бы неминуемым... Не надо также забывать, как часто Россия жертвовала собой, спасая своих союзников и подготавливая тем самым путь к их конечной победе» [5, с. 478].

Первая мировая война обошлась миру в десять раз дороже, чем все предыдущие военные кампании XVIII–XIX вв.: за период с 1793-го по 1905 г. военные расходы в мире составили 41 млрд руб. золотом, в то время как расходы в 1914–1918 гг. – 416 млрд руб., причем большую часть этой суммы израсходовали страны Антанты (252 млрд руб. золотом), а на

расходы Германии и ее союзников пришлось 126 млрд руб. [4, с. 6]. Для Европы война была «...не по силам, превышала ее средства, – писал историк экономики И. М. Кулишер. – Это видно хотя бы из сравнения расходов на войну с мировым запасом процентных бумаг, которые имелись до войны и в которых выражался капитал мирового хозяйства» [4, с. 6–7]. Следовательно, Европа истратила больше, чем имела, поэтому вошла в большие долги. Форсированная эмиссия бумажных денег приводила к новому скачку цен.

М. И. Туган-Барановский отмечал, что во всем мире до 1914 г. ежегодно накапливалось *не более 10 млрд руб. золотом (или 26,5 млрд франков – рекордный размер мировой эмиссии в 1910 г.), в то время как первые семь военных месяцев обошлись участникам войны 1914 г. в 15–17 млрд руб.* [12, с. 288]. В сложившейся ситуации, писал специалист в области финансов профессор М. И. Боголепов, «обычные приемы изыскания чрезвычайных ресурсов – займы и отчасти налоги оказываются ввиду колоссальных военных расходов несостоятельными» [1, с. 417], поэтому остается только один путь – выпуск бумажных денег.

В России развитие инфляционных процессов происходило на фоне сокращения золотого запаса. К концу 1913 г. золотой резервный фонд страны достигал 1684 т и оценивался в 2175,7 млн золотых рублей (1122,9 млн дол.). Важно отметить, что 1303 т золота хранились в централизованных фондах и лишь 381 т находилась в обращении. Россия занимала второе место по количеству металла, находящегося в центра-

Таблица 1

Золотой запас и эмиссия бумажных денег в России в 1914–1916 гг., млн руб.

Период	Золотой запас	В % к 1914 г.	Эмиссия бумажных денег	В % к 1914 г.
Июль 1914 г.	1603,658	100	1633,348	100
Январь 1915 г.	1558,250	97	3030,507	183
Июль 1915 г.	1578,861	99	3755,565	235
Январь 1916 г.	1613,016	101	5622,063	328
23 октября 1917 г.	1292	80	–	–

Источник: [8, с. 6].

лизованном владении, уступая лишь США. С началом Первой мировой войны было заключено соглашение (Франция, Россия и Англия), согласно которому все кредиты, предоставляемые союзникам, должны обеспечиваться золотом. В связи с этим с октября 1914 г. по февраль 1917 г. по решению правительства в Англию поступило 498 т золота (331 млн дол.), из которых 58 т (39 млн дол.) было продано, а 440 т (292 млн дол.) числились отданными займы и уже в Россию не вернулись [7, с. 151].

Общую сумму средств, израсходованных Россией в Первой мировой войне, З. С. Каценеленбаум определял в 48 млрд руб. (в том числе 8 млрд руб. золотом на оплату военных заказов за рубежом). В ходе Первой мировой войны произошло изменение источников финансирования бюджета: по данным И. А. Михайлова, в 1914–1917 гг. внешние займы стали давать лишь 19,2% всех кредитных средств (в 1904–1905 гг. они составляли 51,8%), однако доля краткосрочных обязательств казначейства выросла до 42,5% (против 32,2% в 1905 г.). Покупательная способность бумажного рубля к февралю 1917 г. составляла 27–25 коп. [8, с. 18–19].

Вздорожание иностранной валюты происходило не только из-за обесценения бумажных денег и неблагоприятного расчетного баланса, но и вследствие изменения сальдо торгового баланса: в 1913 г. сальдо составляло +200 млн руб., а с 1914 г. оно становится пассивным (в 1914 г. – 72 млн руб., в 1915 г. – –322 млн руб.).

Характеризуя экономику России в годы Первой мировой войны, профессор Российской экономической школы А. Маркевич и профессор Стэнфордского университета М. Харрисон сделали расчеты сопоставимых показателей ВВП (табл. 2).

Таблица 2

Динамика национального дохода в России* (1913–1928 гг.)

Год	Население, тыс. чел.	Чистый национальный доход, млн руб.	% к итогу (1913 г.)
1913	150 391	18 727	100,0
1914	154 127	18 352	98,0
1915	156 249	19 034	101,6
1916	155 851	17 535	93,6
1917	154 807	15 331	81,9

* Население России берется без учета Польши и Финляндии.

Источник: [6, с.15–17].

Анализ динамики ВВП в континентальных странах Европы (Франция, Германия, Финляндия, Бельгия, Австрия и Венгрия) показывает, что в 1917 г. этот показатель в среднем сократился на 23%, в Российской империи он снизился на 18%. (Из этого ряда была исключена Англия, как самая бо-

гатая страна, и Греция, как страна с самым низким уровнем жизни.) Однако необходимо учитывать, что военный кризис 1916 г. вызвал в России снижение ВВП на 10% и доходы на душу населения в 1917–1919 гг. упали, по расчетам авторов, на 50%. К концу военных действий в России производилось лишь 40% продукции довоенного уровня [5, с. 26–27]. Авторы дали положительную оценку мобилизации российской экономики в Первой мировой войне, однако сделали негативные выводы о качестве экономических институтов и экономической политике страны в 1920-е годы. Они отмечают, что войны начала XX в. привели Россию к экономической и демографической катастрофе [6, с. 43].

Особенности финансирования «военной экономики» России в 1914–1917 годах

С началом военных действий в 1914 г. довоенная денежная система в странах Европы претерпевает коренные изменения. В июле 1914 г. кредитные билеты в России были обеспечены золотом на 98,2%. Финансовые аналитики оценивали подобную практику как противоречащую интересам фискальных органов и Государственного банка: пассивное использование эмиссионного права Банка снижало его прибыль. С другой стороны, политика, которую неуклонно проводил в довоенный период министр финансов В. Н. Коковцов, укрепляла доверие к русскому кредиту за рубежом. Это способствовало притоку в Россию иностранных капиталов в форме долгосрочных кредитов по госзаймам и краткосрочных средств, пополнявших ресурсы коммерческих банков и стимулировавших развитие предпринимательства.

Однако в условиях *военной экономики* налоги, по мнению М. И. Боголепова, оказываются совершенно бессильным средством финансирования военных расходов: они не сразу начинают приносить казначейству добавочный доход. Поэтому увеличение ставки налога он называет *скачком в неизвестное*.

Другая форма государственного кредита – военный заем – более свободна от недостатков налога, но она не может сразу дать всю массу требуемых средств. Безотказным и быстродействующим ресурсом являются бумажные деньги. «Современное государство располагает таким магическим средством и только потому и может вести войну, подобную современной. Это волшебное средство заключается в бумажных деньгах», – пишет М. И. Боголепов [1, с. 10]. В них, по его мнению, как в сильнодействующем лекарстве, заключена целительная сила, но они могут, подобно яду, и разрушительно влиять на народное хозяйство. Бумажные орудия обмена не являются деньгами, не имеют внутренней ценности. М. И. Боголепов называет их *векселями на будущее*, по которым нация будет платить после окончания военных действий. В качестве *противоядия* он предлагает заключение новых займов

и введение новых налогов в послевоенное время. Использование этих инструментов он считает достаточным для сокращения денежной массы, стабилизации курса рубля, сдерживания роста цен и новой эмиссии.

З. С. Каценеленбаум оценивает формы финансирования экстраординарных бюджетных расходов с точки зрения перераспределения национального дохода между настоящим и будущим поколениями и изменения абсолютной величины национального богатства. Особое внимание он обращает на многолетний шлейф долгов, которые в мирное время страна платит в счет погашения прошлых военных займов. Например, на уплату процентов по госдолгу в 1913 г. в России приходилось 11% расходов бюджета, во Франции – 20%, в Италии – 23% (1912 г.). Абсолютная величина внешнего долга России составляла в 1913 г. 2692 млн руб., внутреннего долга – 1686 млн руб. [3, с. 10–12]. Налоги и займы, подчеркивает он, уменьшают национальное богатство, потому что с их помощью плательщики налогов превращают часть своего капитала в пушки и снаряды.

Мнение о том, что займы перелагают финансовые тяготы на будущие поколения (в отличие от налогов, которые платит нынешнее поколение), З. С. Каценеленбаум критически уточняет. Во-первых, отмечает он, в мирное время вся тяжесть налоговых платежей ложится на плечи среднего класса и беднейшего населения: «эти трудовые элементы и являются теми «будущими поколениями», которые должны нести бремя войны, поскольку расходы покрываются займами» [3, с. 25]. Ученый подчеркивает, что развитие в военное время особой формы государственного кредита – краткосрочных займов, как переходной ступени к долгосрочным займам, является мерой вынужденной и мало удобной для казначейства. *Нынешние и будущие плательщики налогов оказываются далеко не одними и теми же группами населения, и между займом и налогом возникает коренное различие* [3, с. 25]. Поэтому, по его мнению, трудовые элементы населения заинтересованы в том, чтобы военные прибыли облагались дополнительными налогами.

Плательщиками значительной доли налогов в военное время могут быть зажиточные классы, которые получают громадную *военную* прибыль, в то время как малообеспеченное население не имеет необходимых государству миллиардов. Таким образом, если налогоплательщиками и теперь, и в будущем будут одни и те же слои населения, то государственный кредит, как фактор перераспределения дохода, играл бы относительно второстепенную роль. При существующих же системах обложения перераспределительная функция кредита имеет большое значение. Основными тремя источниками пополнения экстраординарного бюджета в условиях нового времени (если исключить 4%-ные «серии» на 850 млн руб.) являлись *долгосрочные внутренние займы (35,5%), краткосрочные кредитные обязательства казначейства (17,8%) и бумажные деньги (46,7% сумм, полученных на внутреннем рынке)*, которые дали стране 14 558 млн руб. (на 1 сентября 1917 г.).

Увеличение доли краткосрочных займов в экстраординарном бюджете страны в *военной экономике* объяснялось нежеланием крупных финансистов и промышленников связывать свои капиталы заключением долгосрочных соглашений. Для государства краткосрочные займы, замечал З. С. Каценеленбаум, представляли лишь переходную ступень к долгосрочному кредиту, однако консолидация краткосрочных обязательств была возможна лишь при благоприятной конъюнктуре денежного рынка. Принимая во внимание осо-

бенности бюджетной политики военного времени, З. С. Каценеленбаум приходит к выводу, что исключительные прибыли этого периода скрывают «...процесс разведения капитала... этот фиктивный характер нового богатства в конце концов... обнаруживается, и «разбогатевшие» предприятия в этих случаях оказываются на краю банкротства» [3, с. 79].

Феномен бумажных денег: причины развития «беднежья» и «золотой инфляции» в условиях «военной экономики»

Характеризуя *военную экономику* России и стран Западной Европы начала XX в., российские экономисты выделяли следующие особенности. Во-первых, миллиардные расходы на ведение военных действий исключали возможность создания в мирное время чрезвычайных резервных фондов. Во-вторых, финансирование военной кампании выходило за пределы ординарного государственного бюджета. Политическая нестабильность и структурная перестройка хозяйственной системы, отмечал З. С. Каценеленбаум (развивая концепцию М. И. Туган-Барановского), являются причинами развития *революции цен*, которую он называет *экономическим двойником* социальных потрясений в обществе. Такой процесс происходил в России и странах Западной Европы в 1914–1918 гг., когда рост цен достиг 60–80% довоенного уровня [9, с. 61–64]. В-третьих, рост производительных сил в ряде стран, писал М. И. Боголепов, *выталкивал* избыток капиталов за границу, создавая предпосылки для возникновения конфликтов. Эта тенденция характерна для ведущих стран мира, наиболее богатых капиталами. В-четвертых, *военная экономика* уничтожала кредит, нарушая систему товарооборота и платежей в народном хозяйстве. В-пятых, изменение структуры государственного бюджета, в котором расходы мирного времени вытесняются военными, приводило к росту его абсолютной величины. Например, в Германии военные расходы обеспечивались билетами особых военных ссудных касс, которые приравнивались к золотому фонду [1, с. 428]. Развитие этого процесса иллюстрируют следующие данные: в 1897–1898 гг. на военные расходы Англии приходилось 39% расходов государственного бюджета, а в 1910 г. – 42%; в Германии чрезвычайные военные расходы в 1913 г. составляли 62,4 млн марок, в 1914 г. они выросли еще на 29,4 млн марок.

Главной причиной огромного роста государственного бюджета и внешнего долга в мирное время М. И. Боголепов считает так называемую *систему вооруженного мира*. *Военная экономика*, по его мнению, вносит свою лепту в этот процесс. Она создает *искусственный спрос на золото*: премия, которую золото в этот момент получает, становится одной из главных причин его исчезновения из обращения. Новая реальность приводила к изменению структуры денежной массы, которая в Англии, Франции и США (располагавших наибольшими резервами золота) в 1913 г. была представлена лишь на 10% золотом, на 3% – серебром и на 87% – бумажными деньгами (для сравнения, в 1815 г. монетарная масса состояла по одной трети из золота, серебра и кредитных денег) [7, с. 182–183].

Обесценение бумажного рубля он называет «условным», так как оно связано с нарушением системы международных расчетов. Происходит изменение механизмов выравнивания пассивного платежного баланса, и выплаты производятся золотом, однако демонетизация последнего приводит к необходимости введения серьезных ограничений. Односторонний

спрос на иностранную валюту на рынках стран-должниц усиливает рост валютных цен, которые, по выражению автора, принимают характер *голодных цен*, порвавших с золотыми точками.

Бумажные деньги имеют видимость государственных обязательств, но их кредитная сущность при количественном росте все больше превращается в фикцию, замечает З. С. Каценеленбаум. Их обесценение проявляется в двух формах. Во-первых, идет резкое снижение покупательной силы денежной единицы на внутреннем рынке под влиянием факторов, вызванных переменами, происходящими на стороне товаров и денег. В военное время значительные денежные эмиссии совпадают с сокращением производства и сбыта товаров. В этом случае в снижении покупательной силы бумажных денег повинно несоответствие растущего спроса на товары их падающему предложению. Нарушение пропорций между основным и оборотным капиталом требует переоценки всей капитальной стоимости.

Во-вторых, приостановка размена на золото вызывает понижение ценности денежной единицы по отношению к золоту на мировом валютном рынке, повышение вексельного курса и возникновение лажа. В этой ситуации, по мнению З. С. Каценеленбаума, основным фактором роста цен на мировом рынке является фактор политический, выраженный в доверии к финансам страны: «...победа всегда вызывает укрепление ценности рубля, а поражение ведет к понижению его ценности» [3, с. 57]. Наиболее опасным последствием бумажно-денежного финансирования экстраординарного бюджета ученый в первую очередь называет рост цен на внутреннем рынке.

Развитие «безденежья» на внутреннем рынке, считает З. С. Каценеленбаум, является следствием нарушения правильной циркуляции денежных знаков в стране. В условиях *военной экономики* главный поток денег идет от центра к периферии при уменьшении обратного их притока вследствие сокращения товарооборота. *Безденежье*, отмечает автор, проявляется в двух формах – в форме острого недостатка денежных знаков мелких номиналов и как дефицит оборотного капитала. Снижение курса рубля на внешнем рынке под влиянием политических событий он относит к третьей группе факторов его обесценения. Приоритетными финансовыми задачами послевоенного восстановительного периода он считает изыскание средств для обслуживания внешнего долга, консолидацию краткосрочных обязательств казначейства и стабилизацию денежного обращения.

Окончание военных действий, помимо огромного *товарного голода* и *безденежья*, развивавшихся на фоне инфляции, было ознаменовано новым явлением, которое А. А. Соколов назвал *золотой инфляцией*. Автор ищет ответ на вопрос: «Почему цены во время Первой мировой войны росли в богатых странах, менее всего пострадавших от военных действий и имеющих большие золото-валютные резервы?». Он приводит выводы из отчета национального Сити Банка в США, руководство которого писало, что «...мы не знаем теперь, как мы можем с пользой употребить притекающее к нам золото, пока нормальные отношения опять не будут восстановлены и другие страны не будут в состоянии нам за него что-нибудь продать...» [13, с. 18]. Руководство банка пришло к выводу, что сложившееся положение служит редким доказательством *безусловной взаимной зависимости современного общества*. В этот период даже нейтральные страны вынуждены были поставить жесткие ограничения притоку золота. Например, в Швеции в это время отменили

обязательный для центрального банка прием золота, в Испании благородный металл стали принимать со скидкой в 6–7% от курса бумажной валюты. Ценность самого авторитетного денежного металла, золота, к окончанию военных действий имела тенденцию относительного снижения.

А. А. Соколов называет сложившуюся ситуацию не бумажно-денежной инфляцией, а *золотой*, потому что, несмотря на резкое снижение добычи золота в годы войны, это не мешало золоту обесцениваться в отношении товаров. Объясняется это тем, что военная ситуация, осложнившаяся грандиозным революционным движением, расстроила хозяйственную жизнь. Возникшая вследствие военных действий дороговизна, отмечает автор, была вызвана, во-первых, отвлечением огромного числа рабочих от производительного труда, во-вторых, уничтожением значительных материальных ценностей, что приводило к *товарному голоду*. Пассивное сальдо платежного баланса превышало величину золотого запаса страны: золото утрачивает свое значение и «...перестает оказывать регулирующее влияние на курс бумажных денег, который уже складывается под влиянием других причин» [13, с. 8].

Роль рынков ссудного капитала в развитии мировых кризисов и больших циклов экономической конъюнктуры

Исследования проблем промышленных кризисов и денежного обращения в российской экономической литературе начала XX в. вскрывали особенности такого хозяйственного феномена, как *военная экономика* 1914–1918 гг. Денежные кризисы 1900–1903-го и 1907–1908 гг. стали предвестниками мирового кризиса, обострившегося в годы Первой мировой войны, на развитие которого оказало сильное влияние единство рынков ссудного капитала. Известный экономист И. А. Трахтенберг отмечал, что денежный кризис начинается в странах с наиболее высокими темпами экономического роста, например, в России и Германии – в 1900 г., в Германии и США – в 1907 г. Причина наступления кризиса заключается, по мнению ученого, не в промышленном перепроизводстве, а в росте операций на финансовых рынках. Накопление ссудного капитала опережает рост производства. Вследствие этого *разрывается единство ссудного и действительного капиталов*, и денежный кризис лишь на время соединяет эти разорванные части воспроизводства путем насильственного сокращения кредитных операций [11, с. 38 – 45].

В начале XX в. происходило формирование нового технологического уклада. Революция в сфере транспорта и сокращение транспортных издержек изменили карту размещения производительных сил и направление товарных потоков на мировом рынке (в активный товарооборот включились Австралия, США, Индия и другие страны). Расширение географии импортных поставок меняло прежние пропорции обмена на континенте, приближая наступление кризиса. Шел процесс трансформации классического рыночного хозяйства. Послевоенный кризис 1920 г. закрепил новые тенденции, возникшие до войны.

Исследуя течение кризиса 1920 г., специалист в области статистики цен С. А. Первушин выделил следующие его особенности. Во-первых, произошло нарушение хозяйственного равновесия в воевавших странах на фоне промышленного оживления в нейтральных государствах. Изменение направлений товарооборота на мировом рынке определило вектор развития мирового кризиса, который начался в США и Японии

и лишь потом захватил европейские страны. Во-вторых, специфика кризиса заключалась в том, что он начался с отраслей, производивших товары народного потребления [10, с. 131].

Необходимо отметить, что события Первой мировой войны и кризиса 1920 г. совпали с повышательной волной большого цикла экономической конъюнктуры, что усиливало глубину макроэкономической нестабильности. Каждый новый технологический уклад менял качество мирохозяйственных связей и укреплял позиции государства как влиятельного субъекта рынка. Однако механизмы рыночного саморегулирования не позволяли обеспечить эффективный перелив капитала в новые технологии. Поэтому функцию координатора брало на себя государство, финансировавшее разработку военных технологий. Государственное регулирование рыночной экономики в чрезвычайных ситуациях реформировало существующую хозяйственную систему с учетом роста нового доминирующего уклада. Отток реальных капиталов и образование финансовых пирамид характеризуют, по мнению С. Ю. Глазьева, приближение нескольких ведущих технологических кластеров к пределам своего роста и начало новой повышательной волны [2].

Исследование мировых циклов и длинных волн в трудах крупных российских экономистов начала XX в. М. И. Туган-Барановского, А. И. Чупрова, М. И. Боголепова, Н. Д. Кондратьева, С. А. Первушина, И. А. Трахтенберга, З. С. Каценеленбаума и других было одним из ключевых направлений отечественной науки, наряду с теориями народно-хозяйственного планирования, линейного программирования и экономического роста. Смысловое наполнение понятия «конъюнктура» свидетельствовало о возросшем интересе к хозяйственным процессам на макроэкономическом уровне. М. И. Туган-Барановский в книге «Бумажные деньги и металл» (1917 г.) подчеркивал, что деньги переводят частичные кризисы в общехозяйственные. На динамику *общего уровня товарных и денежных цен*, по его мнению, оказывают влияние такие факторы конъюнктуры, как цикличность экономического развития и особенности кредитно-денежной политики правительства. Бумажные деньги в этом контексте сыграли роль специфических инструментов государственного регулирования рыночной экономики в ходе трансформации хозяйственной системы страны в годы Первой мировой войны.

В то же время история бумажных денег свидетельствует, что за последние 250 лет к их услугам прибегали в случаях несовпадения институциональных (военных, политических

и др.) расходов государства и доходов ординарного бюджета. В отечественной литературе рассматриваемого периода была вскрыта экономическая перспектива таких *бумажно-денежных допингов*, которые снижали размеры национального богатства страны, сокращали доход предпринимателей и крепко связывали хозяйственные и культурные инициативы среднего и беднейшего населения, перекладывая на их плечи тяжелый груз военного долга. «Сладкий яд» бумажных денег, в зависимости от целей и инструментов регулирования экономики, мог дать либо временную подпитку экстраординарному бюджету, либо расстроить денежную систему страны и ее народное хозяйство. ■

Список литературы

1. *Боголепов М. И.* Война и деньги / Вопросы мировой войны под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915.
2. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. СПб., 2011.
3. *Каценеленбаум З. С.* Война и финансово-экономическое положение России. М., 1917.
4. *Кулишер И. М.* Обзор мирового хозяйства во время и после войны и состояние его к началу 1923 г. П., 1923.
5. *Лиддел Гарт Басил Г.* Правда о Первой мировой войне. М.: Яуза: Эксмо, 2009.
6. *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013.
7. *Марфунин А. С.* История золота. М.: Наука, 1987.
8. *Михайлов И. А.* Война и наше денежное обращение. Факты и цифры. П., 1916.
9. *Назарова И. А.* Проблемы промышленных кризисов (экономико-исторический опыт анализа): Монография. М.: ИНФРА-М, 2014.
10. *Первушин С. А.* Конъюнктура современного мирового хозяйства. М., 1922.
11. *Трахтенберг И. А.* Денежные кризисы (1821 – 1938) / Мировые экономические кризисы. Т. 3. М., 1939.
12. *Туган-Барановский М. И.* Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии / Вопросы мировой войны. Пг., 1915.
13. *Соколов А. А.* Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. Екатеринбург, 1920.